

Ася уже почти час ждала своего автобуса. На душе было горько. Вот и осень. А впереди ничего хорошего. В квартире такая пустота, что не хочется туда возвращаться. И на улице, среди людей, тоже не весело. Ее Кирюша ушел к другой. Как-то все вышло неожиданно. Почти не ссорились. Он много работал в своей фирме, даже по выходным, а потом постоянные командировки. Как-то она заглянула в шифоньер и увидела, что на вешалках отсутствуют вещи мужа. Костюмы, плащ, пальто. Первая мысль: в квартире побывал вор. Но вся ее одежда висела на месте. В шкатулке лежали золотые украшения. В растерянности опустилась в кресло: «Жаль, что Кирюша в командировке». И вдруг у нее перехватило дыхание: «А может... Да нет же, он совсем не такой, как другие мужчины...»

Ася подошла к телефону и набрала номер фирмы, где работал Кирилл. Как можно спокойнее спросила:

— Скажите, пожалуйста, когда вернется Кирилл Лопатин из командировки? Я его жена. Обещал вроде сегодня.

Но, может быть, я перепутала?

— Ни в какой он не в командировке, — ответил женский голос. — Только что заходил. Да и вообще компьютерщиков у нас куда не посылают.

Женщина положила трубку, а Ася, потерянная, схватилась за сердце. В тот же день Кирилл вернулся домой и спросил:

— Это ты звонила в фирму? Вот и хорошо, а то не знал, как тебе признаться. Я сегодня же навсегда уйду к Анжеле. Помоги собрать остальные вещи.

Ася запикивала в сумку, в рюкзак одежду, обувь, почти ничего не видя из-за слез. А Кирилл деловито объяснял: «Ну, такое случается сплошь и рядом. Разве тебе неизвестно? Надо едают люди друг другу. Неужели тебе хочется жить с человеком, который тебя уже не любит?»

Жить одной Асе стало нестерпимо тошно. Все время она думала о Кирилле. Целыми часами мысленно, да и вслух, разговаривала с ним. Вспоминала только хорошее, и от этого становилось еще больнее. От каждого телефонного звонка вздрагивала и опрометью неслась в прихожую: «Господи, хотя бы Кирюша позвонил, вспомнил меня...» Но муж не звонил и не приходил.

Как-то, стоя в один из осенних вечеров на автобусной остановке, она тоже думала о нем. Быстро темнело. Немного поодаль маячила еще одна одинокая фигура — мужчина. Что-то в его облике подсказало ей, что они схожи. Чувствовалось, что мужчина, как и она, особо никуда не торопился. Стоял и ждал транспорт, а когда он появится, ему было все равно. Когда они прождали добрых полчаса, он приблизился к ней и проговорил:

— Наверное, придется нам с вами пешком добираться до своего дома. Транспорт в это время уже перестает ходить. Контроля-то за ним теперь никакого нет.

— Я согласна с вами, — ответила Ася. — Да я сама виновата. Возвращалась с дачи, да села не в свой автобус. Вот он и привез меня на другой конец города. Кондукторы-то редко когда объявляют остановки, а я задумалась, вот так...

— А что же у вас сумка-то почти порожняя? Все дачники обычно, как верблюды, возвращаются с дач нагруженные...

— А у меня на даче, кроме петрушки да щавеля, ничего не выросло. Слава

нырнула в долгожданную теплоту салона. Мужчина вошел тоже. Сбоку, рядом с кабиной водителя, сидела компания подвыпивших парней. Один из них надрывно пел:

Я вернулся домой

без гроша...

Только в памяти билось и пело

И березы дрожащее тело,

И костра золотая душа...

Ася чувствовала,

на следующей остановке она с сумкой выпрыгнула на тротуар. До нее донесся хрипловатый голос только что певшего парня:

— А ты, мужик, что же как дурак сидишь? Вы ж так похожи друг на друга. Может быть, это последний шанс в твоей жизни...

Но двери автобуса со скрежетом

АВТОБУСНЫЙ РОМАН

Богу, что этот год не яблочный, а то беда была бы.

— А что, мужа-то нет у вас?

— Был, да сплыл, — тихо ответила она. — Другую нашел.

Оба они замолчали. Асе было неловко продолжать разговор. Да и о чем? Однако незнакомец продолжил:

— А я тоже, считай, брошенный, но пока не выброшенный из квартиры. Жена с тобой так и пришандорили мне кличку «никудашный». Что бы я ни сделал, все плохо.

— Пьете, наверное.

— Да,

бывает... Домой-то трезвому еще страшнее возвращаться. Как хорошо, что у вас на даче ничего не растет. А у моей жены аж две дачи на Веселой да у тещи частный дом с садом-огородом. Они все выращенное тащат на рынок.

— Да зачем же они на себя столько взвалили? — удивилась Ася.

— Деньги любят. Детей у нас с женой нет, так вот теща все время поучает дочку: будешь богатой, мужики, как пчелы, станут к тебе липнуть. Выберешь, какого захочешь. И детишек успеете нарожать.

— Да, вам тоже несладко живется, — посочувствовала Ася.

Наконец все же показался автобус. «Слава Богу. Это, наверное, уже последний, на наше счастье!» — невольно воскликнула Ася и

что попутчик не сводит с нее глаз, не произнося ни слова. Она делала вид, будто этого не замечает. Парень, подмигнув ей, спросил: «Супруг?» Она смутилась: «Да нет, на остановке познакомились...» И он, понимая, что отведя глаза, продолжал петь:

Магадан, Магадан, Магадан!
Давний символ беды

и ненастья.

Может быть, не на горе —
На счастье

Ты однажды судьбою
мне дан?..

Замолчав, он взглянул в окно автобуса. Ася тоже всматривалась в темноту и вдруг охнула:

— Да я же опять не туда еду...

Это не мой маршрут! Что же это сегодня со мной творится?

— Зато я правильно еду... — произнес ее попутчик.

захлопнулись, и Ася осталась одна в крошечной тьме на незнакомой остановке.

Ночь у нее была бессонной. Она понимала, что что-то произошло в ее жизни очень важное, но, казалось, птица счастья, лишь на мгновение коснувшись ее крылом, так же быстро и улетела. На другой день под вечер она доехала до той остановки, где впервые увидела своего попутчика. К большому ее огорчению, он не появился. Однако сердце ей подсказывало, что он помнит о ней. Теперь она стала каждый вечер приезжать туда. Днем думала: «Зачем это? Надо успокоиться. Где же моя женская гордость?» Махнув рукой на все дела, вечером она снова и снова отправлялась на ту остановку.

Однажды Асе показалось, что она забыла закрыть двери своей дачи. А уже зима. Внутри домика может нанести много снега. В одну из суббот отправилась ту-

да. На дачах не было ни души. Неподвижно высились потемневшие деревья, кусты. Вдруг до нее донесся жалобный, протяжный вой. Приблизилась к чужой даче и увидела овчарку. Она оказалась на привязи. Собака была такой худющей, что можно было сосчитать все ребра.

— А почему же бросил тебя твой хозяин? — поразилась она. — Может, сам болен? Ой, да ты же еле стоишь!

Ася с большим трудом добралась через снег с собакой до своей дачи. Там было все в порядке. На двери висел замок. Она достала с чердака старые санки и положила на них собаку. Так они добрались до дома. Уже через неделю Черныш, так Ася назвала собаку, поправился, неотлучно ходил за своей спасительницей. Жизнь у Аси даже повеселела.

Она все время беседовала с Чернышом, а по вечерам они уже вдвоем ехали на остановку.

Накануне старого Нового года навалило много снега. Раньше, бывало, она радовалась этому, а сейчас на все смотрела печальными глазами. Добравшись с Чернышом до знакомой остановки, уже настроившись на неудачу, она вдруг заметила мужчину, который неотрывно смотрел в ее сторону. Сердце у нее радостно забило: «Да это же он, он...» Ася сама направилась к нему.

— Что же вы так долго не появлялись? — с укором проговорила она.

— Я лежал в больнице. Перенес серьезную операцию. Только благо-

даря вам я выжил...

— Но меня же не было рядом с вами...

— Нет, нет. Я чувствовал, что вы сутками заботились обо мне...

Только теперь Ася заметила, как необыкновенно все вокруг. Кружился серебристый снежок. Весело проносились рядом по трассе машины с ярко зажженными фарами.

— А ты тогда не сказала, что у тебя есть такая хорошая собака.

Асе от его «ты» стало еще теплее.

— Да она потом нашлась. Ой, да мы же еще и не познакомились. Я — Ася.

— А я — Николай.

Они стояли в окружении людей на остановке. Неожиданно Николай прижал ее к своему плечу и поцеловал в висок. Ася подумала: «А ведь раньше я так осуждала молодых, что они обнимаются при людях, а теперь сама...» Но это внимание оказалось так приятно. Одиночество было забыто. Ася чувствовала себя счастливой и желала счастья всем, всем...

Нина ГУЦЕВА.

